

ЗИНАИДА СОКУЛЕР*

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ**

О РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ
«ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОГО ТРАКТАТА»

Получено: 01.05.2025. Рецензировано: 23.07.2025. Принято: 30.07.2025.

Аннотация: Рассматривается активно обсуждающаяся в современной литературе так называемая «решительная» интерпретация «Логико-философского трактата». Ее сторонники требуют от исследователей и последователей Витгенштейна наконец серьезно отнестись к словам Витгенштейна, что тот, кто понял его, должен отбросить все его предложения как бессмысленные. «Решительность» заключается в том, чтобы признать необходимость исполнить это витгенштейновское требование, которым он завершает свой «Трактат». Сторонники названной интерпретации заявляют, что проводимое многими современными авторами различие просто бессмыслицы и бессмыслицы, исполненной глубокого смысла, проявляющей, чреватой инсайтами и т. п., искажает замысел «Трактата». Они настаивают, что в названном труде Витгенштейна нет никаких учений, никакой концепции или теории: ни о сущности мира и языка, ни о сущности предложения, ни о логическом, ни о необходимости различать то, что может быть сказано, и то, что может быть только показано предложениями. Анализируются основные аргументы защитников «решительной» интерпретации: указание на злоупотребление разговорами о том, что не может быть сказано; интерпретация метафоры лестницы, которая должна быть отброшена; цитаты, к которым они апеллируют; перспектива единой трактовки интеллектуальной эволюции и философии Витгенштейна, которая выступает теперь как от начала до конца направленная к одной цели — устранения философских проблем путем показа бессмысленности выражений, в которых они формулируются. Подчеркивается, что «решительная» интерпретация оставляет необъяснимым, зачем были написаны все предложения «Трактата». Как можно посвятить годы своей жизни занятиям философией, держась убеждения, что она вся состоит из бессмыслиц, которые нужно отбросить? А если счесть это неправдоподобным, то как тогда понять собственные слова Витгенштейна о бессмысленности философских утверждений и проблем? Показывается, что слабость «решительных интерпретаторов» связана со слишком узким пониманием функции предложений и роли, которую последние могут играть. Поэтому критерии разграничения предложений на осмысленные и бессмысленные оказываются *у них* слишком узкими.

Ключевые слова: Витгенштейн, «Логико-философский трактат», смысл и бессмыслица, философские предложения, Джеймс Конант, «решительная» интерпретация «Логико-философского трактата».

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-13-41.

*Сокулер Зинаида Александровна, д. филос. н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), zasokuler@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0602-4295.

**© Сокулер, З. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

1. НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ТРАКТАТА»

Минуло столетие с тех пор, как появилась небольшая по объему и странная по виду публикация молодого неизвестного автора¹, оказавшаяся одним из наиболее влиятельных философских текстов XX в., во многом определившим облик философии последних ста лет. Значение «Трактата» осознавалось постепенно, а понимание претерпевало существенные изменения. За прошедшие сто лет сменилось несколько волн интерпретаций «Трактата»: позитивистские, сциентистские, антисциентистские, реалистические, идеалистические, трансценденталистские (Семенов, 2016; Суровцев, 1999; Bartunek, 2015; Biletzki, 2003; Glock, 2007; Stern, 1994). Можно было бы полагать, что за сто лет, сменив разные способы видения «Трактата», философское сообщество придет к более-менее устоявшемуся и принятому пониманию. Но увы! Устойчивого, общепринятого истолкования смысла этого труда как не было, так и нет. В конце XX в. поднялась новая волна споров, не утихающих до сих пор. Начало положила Кора Даймонд (Diamond, 1991; 2019), к которой присоединился Джеймс Конант (Conant, 2007). Их интерпретация вскоре приобрела многочисленных сторонников (Hutchinson & Read, 2005; Hutchinson & Read, 2006; Krebs, 2001; Kremer, 2007; Stern, 1994; 2004).

Даймонд и Конант выступили против того видения «Трактата», которое имело место в моих собственных работах и представлялось мне само собой разумеющимся. Но оно перестает быть таковым, коль скоро сформулирован альтернативный способ читать и интерпретировать «Трактат». В пользу названного способа приведены сильные аргументы и очень искренние слова, свидетельствующие о чуткости и уважении к мысли Витгенштейна. Впоследствии данная интерпретация была названа «решительной» (*resolute reading*). В чем тут заключается решительность? — В требовании честно и серьезно отнестись к собственным словам Витгенштейна, которыми он и предварил, и завершил свой «Трактат». Речь идет о Предисловии и о тезисе 6.54. Эти слова образуют рамку, в которую вставлены все остальные предложения названного труда. В Предисловии Витгенштейн пишет про собственную работу, что «поставленные в ней проблемы по существу решены окончательно. И если я в этом не ошибаюсь, то ценность этой работы состоит, во-вторых, в том, что она показывает, сколь мало дает решение этих

¹ «Логико-философский трактат» был издан на немецком языке в 1921 г. Витгенштейну было тогда 32 года. На английском языке «Трактат» был издан в 1922 г. и тогда же получил латинизированное название *Tractatus Logico-Philosophicus*.

проблем» (Витгенштейн, Лахути и Добронравов, 2008: 34) — и налагает вето: «о чем невозможно говорить, о том следует молчать» (там же: 33).

Книга завершается тем же вето: «7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (там же: 218). Требование молчания Витгенштейн распространяет на свои собственные рассуждения, объясняясь с читателем таким образом:

6.54. Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью — на них — выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как взберется по ней наверх). Он должен перебраться через эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир (там же).

Витгенштейн прямо говорит, что написанные им предложения бессмысленны. Тот, кто понял *его*, должен *их* отбросить. Они написаны именно для того и только для того, чтобы читатель осознал их бессмысленность, утверждает Конант (Conant, 2007: 42–44). Энтузиасты «решительного прочтения» призывают наконец осуществить то, что прямо предписал своим читателям Витгенштейн! Отбросить написанные в «Трактате» предложения значит: раз и навсегда перестать писать (или рассуждать) про онтологию «Трактата», про метафизику в нем, про сущность простых объектов, логического пространства и логической необходимости, мира, субъекта, про «картинную» теорию языка, смысл предложений и пр. Тем более из уважения к самому Витгенштейну следует отказаться от муссирования тем смысла жизни и мистического. Ведь Витгенштейн четко сказал: отбросить! Понять *его* и отбросить написанные им предложения (ibid.).

Я не могу не сочувствовать призыву «решительных» интерпретаторов «Трактата». Вполне разделяю тревогу, которая движет ими. В самом деле, армия поклонников Витгенштейна, убежденных в его гениальности, неустанно приписывает ему метафизические прозрения, которые им самим кажутся подходящими к его величию. А уж экспликации того, про что Витгенштейн повелел молчать, для многих его фанатов составляют главный интерес разговоров о Витгенштейне. Навряд ли сам Витгенштейн мог представить, сколько будет потом написано о «мистическом в „Трактате“»!

Одергивание со стороны «решительных» интерпретаторов «Трактата» правильно и своевременно. И мотивировка их так понятна: если вы цените Витгенштейна, говорят они, то уважайте его собственные слова,

прекратите упражняться в прочувствованных выражениях невыразимого и остановите потоки слов о том, о чем следует молчать.

Однако, принимая всем сердцем озабоченность «решительных» витгенштейнианцев и понимая их правоту, я все равно не могу принять их позицию, ибо оказываюсь в абсурдной ситуации: из уважения к Витгенштейну отбросить как бессмыслицу такие представляющиеся мне важными вещи, как различение материальных функций и формальных операций, его трактовку чисел и научных теорий, утверждение, что логические константы ничего не именуют, критику Фреге, не увидевшего разницы между предложением и именем, учение о границе между тем, что может быть описано предложениями, и тем, что может быть только показано в них, и многое другое².

Данная статья не претендует на обзор развернувшейся полемики и возражений, выдвинутых против «решительных» витгенштейнианцев (см., например: Gakis, 2013; Glock, 2007; Hutto, 2014; McGinn, 2006a; Schönbaumsfeld, 2010). Высокая компетенция создателей «решительной» интерпретации для меня несомненна, так что не имеет смысла «искать блох» в их аргументации и пытаться уличить их в незнании того или другого высказывания Витгенштейна. Однако я не могу продолжать собственную работу, приняв такую их позицию. Поэтому остается одно — искать основания для неприятия. Но для этого надо сначала реконструировать ключевые моменты их аргументации.

2. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ «РЕШИТЕЛЬНОЙ» ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Мы лучше поймем «решительную» интерпретацию, если сначала сформулируем первое, естественно напрашивающееся возражение против нее. Это будет вопрос, *зачем* вообще Витгенштейн писал «Трактат»? Ради чего он трудился, обдумывая, формулируя и упорядочивая предложения, которые помещены внутри упомянутой выше рамки? Ведь за ними стоит не менее шести лет (по крайней мере с 1913 по 1918 г.) напряженного труда. Четыре года из них Витгенштейн провел на фронте Первой мировой войны — не самые комфортные условия для чисто интеллектуальной работы; а заканчивать «Трактат» пришлось в плену. Значит, для Витгенштейна было жизненно важно не уйти из жизни, не оставив итога своих усилий. Так трудиться, чтобы написать много бессмысленных предложений — правдоподобно ли это психологически?³

²О роли критики Фреге и Рассела в «Трактате» см.: McGinn, 2006b.

³О парадоксальности тезиса 6.54 см.: Драгалина-Черная, 2014.

На такое возражение у «решительных» витгенштейноведов есть ответ. Ведь сам Витгенштейн написал в Предисловии к своей работе, что «поставленные в ней проблемы по существу решены окончательно» (Витгенштейн, Лахути и Добронравов, 2008: 34). Значит, заключают «решительные» интерпретаторы, Витгенштейн работал над «Трактатом» не для того, чтобы построить теорию, которая бы объяснила природу языка, смысла, логики и т. д., а для того, чтобы *избавиться* от тех проблем, разработку которых и соответствующие учения ему обычно и приписывают. Витгенштейн сам, по их мнению, подтвердил, что его целью было избавление от логико-философских и всех прочих проблем, закончив «Трактат» приглашением отбросить все написанные им предложения как лестницу.

Упомянутая лестница играет ключевую роль в «решительной» аргументации. Но при этом представление о ней обогащается весьма существенным моментом: Дж. Конант объясняет, что подъем на самый верх и отбрасывание лестницы не могут быть *однократным* действием: подъем по лестнице «Трактата» — это трудная работа, которая должна *преобразить поднимающегося*. Преобразование же может быть только постепенным и небыстрым. А ступенями, по которым предстоит подниматься, служат утверждения «Трактата» о мире, языке, логике, границе языка и мышления — короче, все те учения и концепции, которые исследователи и последователи в нем находят. Подъем состоит в осознании их бессмысленности. Приближаясь к пониманию Витгенштейна, подчеркивает Конант, читатель *преображается сам*.

Конант даже приводит примерный список утверждений, бессмысленность которых должен осознать тот, кто поднимается к правильному пониманию⁴:

1. Предложение может представлять (*represent*) положение дел, потому что оно изображает (*pictures*) его.

⁴Предложения, достойные помещения в подобный список, удовлетворяют, согласно Конанту, двум условиям: «во-первых, это должны быть предложения, ассоциируемые с философским тезисом, который читатели „Трактата“ склонны вычитывать в этом труде; во-вторых, это должны быть предложения, в которых решительные читатели видят пример проясняющих бессмыслиц „Трактата“». Если некоторый стандартный читатель составит список предложений первого рода, а решительный читатель соберет список предложений второго рода, то пересечение этих двух совокупностей предложений и даст список предложений, роль которых в диалектической стратегии „Трактата“ вызывает самые большие разногласия» (Conant, 2007: 47–48). Соглаasia и несогласия относительно предложений из этих списков позволяют, как считает Конант, уточнить понятия «стандартного» и «решительного» читателей.

2. Предложение будет логическим образом положения дел, если базисные элементы предложения — простые имена — логически скомбинированы аналогично тому, как скомбинированы базисные элементы положений дел — простые объекты.
3. Мысль и язык способны представлять реальность, поскольку они отражают логическую форму реальности.
4. Логическая форма, общая языку и реальности, не может быть выражена в языке.
5. С теми чертами реальности, на которых основана возможность смысла (или: чертами языка, на которых основана возможность репрезентации), с самими по себе все в порядке, даже если они невыразимы.
6. Хотя эти черты невыразимы, их могут передать соответствующим образом структурированные формы бессмыслицы.
7. Такие бессмысленные «предложения» не являются простой бессмыслицей, поскольку они обладают хоть какой-то логической структурой.
8. Такие «предложения» допускают определенные нарушения логического синтаксиса.
9. Каждое такое нарушение сочетается с (невыразимым) озарением относительно (непостижимого) аспекта или черты реальности.
10. Каждое такое озарение может «передаваться» благодаря использованию соответствующего образчика бессмыслицы.
11. Таким образом, посредством нарушения границ осмысленного показывается общее условие осмысленности предложений.
12. Совокупность таких условий конституирует границу (нашего или моего) языка.
13. Границы языка есть границы (нашего или моего) мира.
14. Очертить эти границы — задача правильной теории языка.
15. Она, соответственно, разграничивает смысл и бессмыслицу.
16. Она, соответственно, очерчивает границы (моего или нашего) мира.
17. Определение таких границ позволяет (мне) созерцать (со стороны, как бы сверху или с боку) наш (мой) язык (мир) как ограниченное целое (Conant, 2007: 50–51).

Конант уточняет, что этот список не окончательный и не единственно возможный, он обсуждает направления его модификации, но мы не последуем за ним, потому что общая идея кажется достаточно понятной из приведенного списка. Последний объединяет как утверждения, с помощью которых обычно объясняют «образную» теорию языка «Трактата», так и вольные забеги в область невыразимого (мистического).

Для Конанта недопустимо ни то, ни другое; к тому же озарения насчет мистического в «Трактате» начинаются с реконструкции *теории* языка, смысла и бессмыслицы в этой книге. Бессмысленно, настаивает Конант, в равной степени и то, и другое. Однако осознание бессмысленности *всех* подобных предложений очень трудно. Оно, конечно, должно начаться с последнего предложения приведенного списка и только постепенно будет распространяться на предшествующие, вплоть до первых, выглядящих на первый взгляд вполне невинными.

Но ради чего предпринимать подобные усилия? Что можно получить в итоге? — *Освобождение от философских проблем*. Много это или мало? — Смотря для кого. Каждый преподаватель философии, имеющий опыт работы в не-философских вузах, знает, что большинство молодых людей от них изначально свободны, так что приходится затрачивать невероятное количество усилий, чтобы убедить их в существовании подобных проблем. Почему Витгенштейн так напряженно борется с философскими проблемами? — Конант объясняет: потому что они осаждают самого Людвигу. Витгенштейн принадлежит к тому исключительно редкому типу людей, для которых философские проблемы — это не книжные, а их личные проблемы⁵. В каком-то смысле «Логико-философский трактат» — автобиографическое сочинение, в котором отразилась история борьбы молодого Витгенштейна с самим собой и постепенного избавления от терзающих его философских проблем. Работая над «Трактатом», разрешая проблемы — от сущности предложения или характера логических законов до солипсизма, — Витгенштейн сам ступень за ступенью поднимался по лестнице, обнаруживая метафизический характер и отбрасывая утверждения о логике, логической структуре, языке, смысле, мире. В итоге сам Витгенштейн одерживает победу над собой, освобождается от философских проблем — и отбрасывает лестницу.

Перед нашим взором предстает достаточно сильный и притягательный образ. Он позволяет как бы единым взглядом охватить и содержание «Трактата», и мятушуюся душу его автора. Правда, образ достигнутого освобождения и прекращения внутренних терзаний как-то не вяжется с Людвигом Витгенштейном. Однако что правда, то правда — закончив «Трактат», он не предполагает продолжать занятия философией

⁵По крайней мере, я не смогу назвать другого аналитического философа, который принадлежал бы к этому типу. На ум приходят имена совсем других философов, например, Кьеркегора.

и ищет для себя другого поприща. Хотя остается непонятным, ради чего Витгенштейн потратил столько времени и усилий, чтобы найти издателя для своего «Трактата», если он работал только ради обретения собственного внутреннего равновесия.

Конант полагает, что предложенное им прочтение «Трактата» имеет еще и то достоинство, что избавляет витгенштейноведов от «умножения Витгенштейнов без необходимости». Сам Конант предлагает освободиться от дуализма «раннего» и «позднего» Витгенштейнов (или троичности раннего, среднего, позднего) в пользу «мягкого моновитгенштейнианизма». «Мягкого» — потому что старается учесть несомненные отличия между мыслью молодого и зрелого Витгенштейна; «моно» — потому что исходит из идеи единого проекта, который Витгенштейн осуществлял на протяжении всей своей жизни: избавления от философских проблем.

По утверждению Конанта, эволюция Витгенштейна обусловлена постепенным осознанием того, что, устраняя одни философские проблемы, он некритически впустил в свою работу целый ряд других. Конант также предлагает список таких допущений.

1. Логические отношения между нашими мыслями могут быть *полностью* показаны посредством анализа наших предложений.
2. Эти отношения могут быть продемонстрированы благодаря использованию логически абсолютно прозрачной записи.
3. Благодаря использованию такой записи предложения могут быть переформулированы так, что *все* логические отношения станут ясно видимыми.
4. Предложение *должно* быть комплексом.
5. Каждое предложение может быть проанализировано.
6. Логический анализ покажет, что каждое предложение будет или элементарным, или функцией истинности от элементарных предложений.
7. *Все* выводы обусловлены функциями истинности (*is truth-functional*).
8. Есть *только одно* логическое пространство, и все, что может быть сказано, и любая мысль являются частями этого пространства.
9. Существует *единственный* логический порядок (*the logical order*) нашего языка.
10. Этот порядок предшествует логическому анализу, он только ожидает, когда его обнаружат, а логический анализ призван просто его раскрыть.
11. Когда наши предложения записаны в логически прозрачной записи, становится ясно, *что* они собою представляют.
12. Когда наши предложения записаны таким образом, становится ясно также, что является общим для *всех* предложений.

13. Существует общая форма предложения, и *все* предложения имеют эту форму.

14. По мере того как становится понятным, чем предложения являются, становится также понятным, насколько обманчив может быть их внешний вид, — насколько внешняя форма маскирует действительную *скрытую* логическую форму.

15. Логически прозрачная запись есть единственный инструмент (*the essential tool*) философского прояснения.

16. Когда обнаруживается невозможность выразить в такой записи некоторые последовательности знаков, такие последовательности, несмотря на внешнее сходство с подлинными предложениями, изобличаются как бессмыслица (*nonsense*), то есть последовательность знаков, которой не было придано никакого определенного значения.

17. Любая философская путаница может быть прояснена таким образом.

18. В ходе демонстрации важности такого инструмента и его применения в осуществляемых прояснениях философские проблемы, *в сущности*, будут окончательно разрешены (Conant, 2007: 85–86).

Обратим внимание, что, в отличие от первого списка, утверждения которого касались мира, объектов, языка, в этом списке мы видим только методологические постулаты. По мнению Конанта, зрелый Витгенштейн осознал нереалистичность собственных представлений об анализе и преодолении метафизических проблем, обнаружив, что и методологические установки могут иметь метафизический характер. Соответственно, зрелый Витгенштейн начинает разработку других методов (теперь речь идет только о методах во множественном числе), которые были бы очевидными, понятными, приемлемыми для всех и свободными от метафизических допущений. Изменению подверглось также представление о лестнице: теперь не может быть речи об *одной* лестнице, *одном* способе подъема и *однократном* акте ее отбрасывания.

Таким образом Конант выстраивает единую линию творчества Витгенштейна, сохраняя при этом возможность отдать должное глубоким различиям между «Логико-философским трактатом» и «Философскими исследованиями». У этих работ разные стили, разные методы, но они едины в стремлении избавиться от философских проблем, преодолеть их, прежде всего в самом себе. Соответственно, искать в «Философских исследованиях» какую-либо теорию или учение (о языке, человеческой коммуникации, человеческой природе или о сознании) столь же неправильно, как и усматривать какие-то теории в «Трактате». Однако, если

в «Трактате» известные философские теории, по утверждению Конанта, играют роль ступеней лестницы, по которым надо взбираться, последовательно отбрасывая их, то «Философские исследования» устроены сложнее: в них разные философские позиции получают свой голос, они представлены постоянными вопросами, возражениями и контрвозражениями. Ни один из этих голосов, убежден Конант, не является рупором самого автора; никакие ответы и разъяснения нельзя принимать за утверждения Витгенштейна. Его цель — не защитить одно учение перед лицом других, но сделать явной *бессмысленность* их *всех*.

3. ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ?

Доводы Конанта невозможно отбросить просто так. В их пользу говорит немало. Прежде всего то, что сказано о философских проблемах самим Витгенштейном, причем как в молодости —

4.003. Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны. Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность (Витгенштейн, Лахути и Добронравов, 2008: 74).

— так и в зрелые годы:

§ 133. ...ясность, к которой мы стремимся, — это, право же, *исчерпывающая* ясность. А это просто-напросто означает, что философские проблемы должны *совершенно* исчезнуть. Подлинным открытием будет то, которое позволит мне прекратить философствовать, когда я хочу. Которое успокаивает философию, прекращает ее терзание вопросами, которые ставят под сомнение *ее самое*⁶.

О таком же отношении к философским проблемам свидетельствует известный эпизод встречи и конфликта Витгенштейна и Поппера на докладе Поппера, который назывался «Существуют ли философские проблемы?» Этот эпизод разные его свидетели пересказывали по-разному, и тем не менее:

Сомнений не вызывает одно: между Поппером и Витгенштейном состоялся яростный спор о фундаментальной природе философии — действительно ли существуют философские проблемы (Поппер) или только головоломки (Витгенштейн). Этот спор тотчас оброс легендами (Эдмондс и Айдиноу, Канищева, 2004: 8).

В то же время не оставляет чувство некоей несогласованности: получается, что избавлению от философских проблем посвятил свою

⁶Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994d: 131–132 (перевод изменен).

жизнь человек, который и создавал философские работы, и на протяжении многих лет читал различные философские курсы⁷. Отчего Витгенштейна так преследовали философские затруднения, как он мог получать удовлетворение от жизни, посвященной *чисто негативной* деятельности? Ведь последние сказанные им слова были: «Передайте им, что у меня была прекрасная жизнь» (Монк, Васильева, 2018: 580). Не подталкивает ли это к вопросу о том, действительно ли преодоление философских проблем является чисто негативной деятельностью, ничего не оставляющей в сухом остатке? К тому же у Витгенштейна можно найти высказывания о философии, выдержанные в иных тонах:

§ 420. Человек способен решать свои проблемы, лишь мысля еще сумасброднее, чем философы (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 481).

§ 358. Да поможет Бог философу проникнуть в то, что у всех перед глазами (там же: 470).

§ 155. Иногда люди говорят, что они не в состоянии судить о том или этом, поскольку не изучали философию. Это сбивающая с толку бессмыслица; ибо наперед предполагается, будто философия некая наука. И о ней говорят, скажем, как о медицине. Между тем можно утверждать, что люди, никогда не занимавшиеся исследованием философского типа, подобно большинству математиков, не обладают должной сноровкой для такого исследования или изыскания. Так человек, не привыкший собирать в лесу цветы, ягоды, травы, не находит их, потому что его глаз не наметан и он не знает, где прежде всего их следует искать. Так и в философии неискушенный проходит мимо всех тех мест, где скрыты трудности. А то, что человеку искушенному, хорошо понимающему, что трудность таится где-то здесь, приходится так долго ее искать, прежде чем она обнаружится, — неудивительно. Когда что-то основательно скрыто, его трудно найти (там же: 438).

Витгенштейн говорит о каких-то реальных трудностях, и в связи с этим о значении философской искушенности, о важности понимания

⁷При этом в 1931 г. Витгенштейн записал: «...согласно старой точке зрения — например, (великих) западных философов, — имеются два типа проблем в научном смысле: существенные, универсальные, и несущественные, как бы случайные. Тогда как, с нашей точки зрения, напротив, не может быть *великой*, существенной проблемы в научном смысле» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 422). Это замечание не является случайным, но объясняет, почему он, в конце концов, посвятил жизнь философии. Такое отношение к научным проблемам сохраняется на протяжении всей его жизни. Так, в 1949 г. он признается: «Научные вопросы могут интересовать меня, но никогда по-настоящему не захватывают. Увлечь меня способны лишь концептуальные и эстетические вопросы. Решение научных проблем для меня в принципе безразлично; решение же этих, иных — нет» (там же: 484–485).

того, где таятся наибольшие трудности, о том, что серьезные трудности основательно скрыты. Здесь его слова звучат как позитивные утверждения; в них явно *что-то утверждается*.

Но мне не хочется продолжать дуэль на цитатах. Думаю, у Конанта имеется достаточный запас подходящих ему цитат, и такой путь ни к чему не приведет: на цитату, показывающую, что Витгенштейн проделывал чисто негативную работу по устранению философских проблем, сам ничего такого не утверждал и имел в виду, что все этапы и инструменты его работы должны быть отброшены после того, как устранена породившая их проблема, можно будет найти другую цитату, показывающую, что Витгенштейн что-то утверждал и видел позитивный смысл в своей работе, — и наоборот. Поэтому я убеждена, что разрешение выступившего тут парадокса надо искать на другом пути — в рефлексии над представлениями о том, *что такое философия и философские предложения*.

Может быть, философская деятельность способна принимать разные формы, и ей не обязательно воплощаться в специальных философских предложениях? У самого Конанта мы находим движение в таком направлении. Он говорит, что для раннего Витгенштейна логика пронизывает все наше мышление, а этика — всю нашу жизнь, что философствование всегда шло у Витгенштейна рука об руку с интересом к этике. Это удачная формулировка для выражения особенности витгенштейновского философствования. Конант чутко уловил, что весь «Трактат» пронизан философским и этическим беспокойством (Conant, 2005). Тем не менее, настаивает Конант, мы должны серьезно отнестись к словам Витгенштейна, который в письме к своему другу и предполагаемому издателю «Логико-философского трактата» Л. фон Фикеру написал о своем труде следующее:

...смысл книги этический. Сначала я хотел написать несколько слов в предисловии, но потом передумал; однако напишу их сейчас вам, потому что для вас они станут ключом к книге: я хотел написать, что моя работа состоит из двух частей — из той, что перед вами, и из той, что я не написал. И вот именно эта вторая часть — важнейшая. Ведь этическое ограничено в моей книге как бы изнутри, и я убежден, что, *строго* говоря, оно может быть ограничено *только* так. Короче говоря, я думаю: все то, о чем *многие* сегодня *болтают*, присутствует в моей книге именно потому, что я об этом молчу (Монк, Васильева, 2018: 191–192).

Если для нас важна мысль Витгенштейна, настаивает Конант, мы обязаны помнить: этический смысл «Трактата» выражен в его *молчании* по

поводу этики, тогда как комментаторы и интерпретаторы никак не могут остановиться в пафосных речах по поводу того, о чем нельзя говорить. В позиции Конанта привлекает верность словам Витгенштейна и готовность следовать им, не допуская лицемерия и непоследовательности.

Но меня не отпускает сомнение: как мы сможем понять, что молчим о том же самом, что и Витгенштейн? С точки зрения Конанта, подобный вопрос неправильно поставлен, ибо порочен сам оборот «молчание *о чем-то*», подталкивающий к поиску «референта» для молчания. Но такого референта не может быть. *Нет* никакого «того, о чем», и молчать надо *из-за* этого, а не потому, что не хватает словарного запаса, и не потому, что логика ставит какой-то шлагбаум, и тем более не потому, что Витгенштейн не разрешает. Витгенштейн призывает к молчанию как раз потому, что здесь вообще нет «того, о чем». Повторяя, что Витгенштейн не строит в «Трактате» никаких теорий, — ни логических, ни этических, — Конант стремится убедить нас, что для Витгенштейна этика не есть отдельная область философии или особое учение; она не состоит из утверждений, максим, принципов. Этика — это то, как человек *проживает свою жизнь*. Витгенштейн своим молчанием об этике стремится донести ту мысль, что экзистенциальное этическое беспокойство не разрешается никакими теориями, никакими учениями, но только изменением самого себя. Остальное бесполезно. И в этих словах Конанта много верного и глубокого. Да, экзистенциальные, этические, религиозные искания разрешаются только действием, для которого требуется не наращивание своей эрудиции, а изменение самого себя. Среди заметок Витгенштейна действительно отчетливо звучит тема *действия и изменения себя*, причем именно в связи с философией и религией, например:

Работа в философии — как во многом и в архитектуре — это в значительной мере работа над самим собой. Над собственной точкой зрения. Над способом видения предметов. (И над тем, что человеку от них требуется.) (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 427)

Я полагаю, что христианство не учение, не теория о том, что произошло и произойдет с человеческой душой, а описание действительного процесса жизни человека. Ведь «осознание греха» — реальное событие, как реально и вызванное им отчаяние, и его искупление верой. Те, кто об этом говорит [...] просто описывают то, что случилось с ними... (там же: 437)

Решение встающей перед тобой проблемы жизни — в образе жизни, приводящем к тому, что проблематичное исчезает. Проблематичность жизни означает, что твоя жизнь не соответствует форме жизни. В таком случае ты

должен изменить свою жизнь и приспособить ее к этой форме, тем самым исчезнет и проблематичное.

А нет ли у нас такого чувства, что человек, не замечающий проблем жизни, слеп к чему-то важному, даже очень важному? Не хочу ли я сказать: живущий лишь сиюминутным просто слеп, как крот; сумев прозреть, он увидел бы и проблему?

А не следует ли сказать: человек, живущий правильно, воспринимает проблему не с печалью, то есть не как проблему, а скорее с радостью, как светлую атмосферу своей жизни, а не ее сомнительный фон?⁸

В тексте «О достоверности» *деятельность* поставлена на место основоположений познания, в результате чего лишается смысла большинство традиционных гносеологических проблем:

§ 45. Мы смогли усвоить суть счета, обучаясь считать. [...]

§ 46. Самое важное вот что: правило и не нужно. Все при нас. Считаю-то мы на самом деле по определенному правилу, и этого достаточно (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994с: 329).

§ 110. Как будто процесс обоснования когда-то не приходит к концу! Но таким концом служит не необоснованное предположение, а необоснованный образ действий⁹.

В свете того, как Конант представил нам этическую проблематику «Трактата», можно признать в нем человека, который смотрит на философию Витгенштейна в духе «перформативного поворота». В результате названного поворота во всем, что имеет знаковую, символическую природу, видят уже не обозначение чего-то (повествование, информирование о чем-то), а *совершение, осуществление этого*. Разговор о перформативности применительно к языковому значению и следованию правилу в поздней философии Витгенштейна возникает естественным образом (Моисеева и Зайкова, 2020; Родин, 2020). Однако здесь у нас речь идет о другом: избавимся ли мы от проблем в истолковании «Логико-философского трактата», если посмотрим на его предложения не как на описания или сообщения, а как на действия или даже как на поступки?

Конант настаивает, что в «Трактате» нет этики в обычном смысле слова: в нем не надо искать как некоторую его часть *отдельного учения* о правильной жизни или правильных поступках, ибо ненаписанная этическая часть «Трактата» составляет его *смысл и мотивацию*, и это *есть*

⁸Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 436–437 (перевод изменен).

⁹Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994с: 337 (перевод изменен).

то главное, что должен понять человек, который поймет Витгенштейна: решения проблемы смысла жизни или избавления от страха смерти невозможно вычитать ни в каких мудрых книгах. Это зависит не от основательности философской системы, а от личных усилий. Пожалуй, здесь мы достигли самого сильного момента «решительного» прочтения «Логико-философского трактата», и оно приоткрывает загадку притягательности «Трактата». Получается, что Витгенштейн как бы обращается к читателю поверх написанного им текста и показывает ему пример. Главный призыв «Трактата» в интерпретации Конанта: ты должен сам преобразовать себя, никакие книги и учения тебе в этом не помогут. При этом тезис 6.54 сам выступает как яркий поступок: отказавшись от учений об этике ради работы над самим собой, Витгенштейн показывает заразительный пример, начав с отбрасывания собственных концептуальных построений.

Идея, что философская книга должна стать не повествованием, а действием, представляется на первый взгляд спасательным кругом в ситуации, когда на философию сыплются обвинения в необоснованности ее претензий, недоказанности ее утверждений, отсутствии у них проверяемого смысла. Об этом, как утверждает П. А. Ханова, рассуждает Делёз:

...для Делёза письмо имеет значение ровно в той степени, в которой оно призывает читателя к соучастию. Письмо должно аффицировать, производить эффекты (и аффекты); философское письмо в особенности: задача философии заключается в том, чтобы производить аффекты, и эта эффективность достигается посредством стиля: определенного способа упорядочения слов и знаков. Конкретные характеристики подлинно философского стиля письма разбросаны во множестве по различным работам Делёза [...] Это правила перформативного письма — такого письма, которое способно служить триггером для мысли нового типа, мысли различия... (Ханова, 2018: 57–58)

Нельзя не согласиться с тем, что если философский текст призван не передать некоторую весть или донести определенную информацию, а *произвести* в читателе определенное переживание, то ключевой его характеристикой оказывается именно стиль, тогда как вопросы о проверяемости, обоснованности, осмысленности становятся неуместными. Философский текст обязан быть *действенным*, а это вовсе не то же самое, что быть истинным или состоять из осмысленных (в том или ином определении осмысленности) предложений.

Стиль приобретает свое философское значение и перформативную способность через отклонение от любой *a priori* предзаданной формы, будь то

лингвистическая система или индивидуальность автора. Стил — это и концепт, концепт есть стил, и авторство (размытое, множественное авторство) есть стил, игра концептуальных персонажей и ризоматически организованных текстов. Аналитическое понимание языка имеет дело с утверждениями о фактах и суждениями. Стил же имеет дело с перцептами и аффектами, то есть производит новые способы видеть и переживать реальное; таким образом, он уводит язык в сторону от его стандартного репрезентирующего использования, потому что стил настаивает на том, чтобы давать нам объект вместо того, чтобы рассказывать нам о нем (Ханова, 2018: 58).

Интересно, что к стилю Витгенштейна, — как в «Трактате», так и в «Философских исследованиях», — вполне применима характеристика «отклонение от любой *a priori* предзаданной формы», что придает написанным им текстам особую харизматичность и перформативность.

Вообще, перформативность недаром стала таким популярным сюжетом в философской, социологической, культурологической литературе. Прямо *давать* объект вместо того, чтобы рассказывать о нем: что может быть заманчивее! Одним таким действием останавливаются любые споры об истинности, обоснованности, не говоря уже об осмысленности; прекращаются любые интерпретации, непонимания, недомолвки. Вопрос только в том, насколько это достижимо именно для философского текста (Ханова в процитированной выше статье показывает, что Делёзу не удалось сделать свои тексты перформативными). «Логико-философский трактат» является ярким примером того, что философский текст в состоянии производить аффекты. Его эмоциональному воздействию позавидуют иные произведения искусства. Но таково ли это воздействие, таковы ли аффекты, которых желал сам Витгенштейн? — Ответ тут очевидно отрицательный. Я знаю сущих фанатов Витгенштейна, трактующих его вкривь и вкось. Да и вся столетняя история интерпретаций «Трактата» показывает, что даже явно харизматичный и перформативный стил не может контролировать возбуждаемые им аффекты, мысли и интерпретации.

Поэтому оставим надежды выбраться из мучающего нас затруднения с помощью «перформативной» интерпретации «Трактата».

4. ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ КАК БОРЬБА С ФИЛОСОФИЕЙ

Напомню: наше затруднение состоит в том, как совместить стремление избавиться от философских проблем и утверждений с жизнью, посвященной занятиям философией.

Но действительно ли это столь экстравагантное сочетание? Не является ли вся история философии непрекращающимся отбрасыванием философских утверждений и проблем? Разве не отброшены утверждения Платона о мире идей и мире становления (что не помешало Делёзу углядеть у Платона еще не отброшенные представления о подлинных и ложных претендентах, чтобы отбросить и их тоже)? А если отброшены утверждения, то исчезают и соответствующие проблемы, например, каким образом единичные вещи причастны идеям, существуют ли идеи грязи, уродства, и т. п. Утверждения Аристотеля о материи и форме, утверждения Канта о геометрии, учение Гегеля об абсолютной идее, о том, что «все действительное разумно» и о преодолении противоположности субъекта и объекта — разве они избежали отбрасывания? Разве вся философия XX в. не состоит из событий отбрасывания (прежде всего Гегеля и Декарта, точнее, «картезианской парадигмы»)? Интересно, что такому увлеченному отбрасывателю, как Делёз, подобное занятие не помешало создавать собственную метафизику. Такой парадоксальный характер имеет философская деятельность: ведь отбрасывание одних утверждений и проблем предполагает *обоснование* для подобного отношения к прошлым авторитетам, что требует новых утверждений и порождает новые проблемы. Работу подобных механизмов мы находим всюду в истории философии. Например, критическая рефлексия Деррида над хайдеггеровским «онтологическим различием» потребовала встречной очень мощной идеи «дифференса», бессознательная игра которого древнее, чем «бытие», отличное от «существующего», и втягивает в себя все попытки найти названия для себя и для бытия¹⁰.

Витгенштейн надеется, что «тот, кто понял меня, в конце концов признает их (его предложений. — З. С.) бессмысленность...» (Витгенштейн, Лахути и Добронравов, 2008: 218, тезис 6.54). Я подозреваю, что почти любой философ хотел бы, чтобы поняли именно *его*, а не написанные им предложения, поскольку находящиеся в его распоряжении языковые средства ограничены. Думаю, что Платон, рассказывая миф о происхождении Эроса («Пир») или о происхождении Космоса («Тимей»),

¹⁰ «Мы знаем, мы знали бы, если бы речь тут шла просто о некотором знании, то, что никогда не было и никогда не будет единственного слова, слова-господина. [...] Не будет одного имени, пусть даже имени бытия. И это надо продумать без *ностальгии*, то есть вне мифа о чисто материнском или чисто отцовском языке, о потерянной отчизне мышления. Напротив, следует *утвердить это* — в том смысле, в котором Ницше вводит утверждение в игру, в некий смех и в некий шаг танца» (Деррида, Кралечкин, 2012: 50–51).

хотел бы, чтобы читатели поняли *его*, не заикливаясь на придуманных им мифах. Также и Кант, использовавший слово «вещь» для указания на то, что лежит за пределами возможного познания, хотел бы, я уверена, чтобы поняли *его*, не привязываясь к слову «вещь» и предложениям с данным словом; он вполне мог бы сказать, что понявший его должен отбросить все предложения о *вещи* самой по себе, поскольку речь не о вещи (слово, имеющее множественное число и пронизанное пространственными коннотациями), а о том, для чего в нашем языке не может быть адекватного наименования. Полагаю, что и Делёз, придумывая всякие замысловатые обороты, вроде «тела без органов» или «книг-ризомы», надеялся, что читатель поймет *его*, и согласился бы, чтобы по достижении такого результата читатели сочли бы соответствующие предложения бессмысленными.

Ведь философия может обратиться к читателю только словами и предложениями, в которых что-то утверждается или отрицается. Какое бы значение ни придавалось *стилю* письма, оно подразумевает наличие *написанного*. Сколь бы ни была сильна суггестия, исходящая от мысли философа, он вынужден облекать ее в слова. А со словами есть неизбывная проблема, которую чувствовал Витгенштейн:

Философию вновь и вновь упрекают в том, что она, по сути дела, не движется вперед, что те же самые философские проблемы, которые занимали еще греков, продолжают занимать и нас. Но те, кто это заявляют, не понимают, почему именно так и должно быть. Причина кроется в том, что наш язык остается тем же самым и вновь и вновь склоняет нас к постановке тех же самых вопросов. Коль скоро сохраняется глагол «быть», функционирующий, казалось, подобно глаголам «есть» и «пить», коль скоро имеются прилагательные «тождественный», «истинный», «ложный», «возможный», до тех пор, покуда мы говорим о потоке времени и протяженности пространства и т. д. и т. п., — люди всегда будут сталкиваться с одними и теми же загадочными трудностями и всматриваться во что-то, что, по-видимому, не может быть устранено никакими разъяснениями (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 426).

«Логико-философский трактат» отличается уникальной силой суггестии, которая исходит от его страниц и захватывает читателя. Словно, кроме слов, у него есть еще какой-то регистр выражения — ритм ли, краткость и рубленность ключевых формулировок, форма ли «Трактата» как целого? Тем не менее ни ритм, ни форма не существуют сами по себе, им необходим материал, который они могли бы оформить. И это

прежде всего те самые предложения, которые в конце концов понимающий читатель должен отбросить как бессмысленные. Конант настаивает, что «бессмыслица» — это всегда бессмыслица. У бессмыслицы просто *нет смысла*, и потому никакая бессмыслица не может быть лучше или глубже другой и не способна намекать на глубочайшие невыразимые смыслы¹¹. Но, несмотря на это, он сам утверждает, что бессмысленные предложения «Трактата» суть перекладины лестницы, по которой надо подняться. Подъем представляет собой осознание бессмысленности данных предложений, что является трудной работой, требующей времени и немалых усилий, а возможно, и возвращения назад, к вроде бы пройденным ступеням, так что нельзя смотреть на подъем по названной лестнице как на непрерывное поступательное движение.

На этом месте рассуждений Конанта мне начинает казаться, что предлагаемый им образ относится не специально к «Трактату», а ко всей философии, которая вся суть усилия по преодолению прошлых бессмыслиц и осознанию того, сколь скудны и в то же время чреватые средства, которые использует нынешний философ для их преодоления. Деррида, например, явно опасается, что слова, с помощью которых он говорит о дифферансе, способны играть с ним свои игры, не учитывающие его намерений. Он предостерегает от того, чтобы понимать их слишком в лоб. Но продолжает писать все новые предложения, разъясняя, как (не) надо понимать дифферанс (Деррида, Кралечкин, 2012: 32–51).

Возвращаясь к «Трактату»: если нужна последовательная работа над бессмысленными предложениями, не следует ли отсюда, что *некоторые* бессмысленные предложения способствуют очищению и освобождению мышления? Некоторые, но не все. Желаемое действие может оказывать только *хорошо замаскированная* бессмыслица, распознавание которой требует серьезной внутренней работы. Однако для любой работы нужны *инструменты*, а для такой, прежде всего, критерий осмысленности. Не лишними будут и представления о том, из-за чего возникает бессмыслица и чем она может быть замаскирована. Витгенштейн *снабжает* своего читателя соответствующими инструментами. Он формулирует критерий осмысленности, прочерчивает различие того, что может быть сказано осмысленным предложением, а что — только показываться в нем,

¹¹Как, однако, при этом отнестись к замечанию Витгенштейна: «5.62. ...то, что в действительности подразумевает солипсизм, вполне правильно, только это не может быть сказано, а лишь показывает себя» (Витгенштейн, Лахути и Добронравов, 2008: 174). Ведь утверждение солипсизма бессмысленно, поскольку пытается высказать то, что не может быть сказано, однако при этом подразумевает нечто правильное.

и указывает механизмы порождения и маскировки бессмысленных предложений в своей трактовке логики языка. Конант настаивает, что все перечисленное нельзя считать теориями, созданными Витгенштейном, ибо все это выражено в бессмысленных предложениях, которые тоже надо отбросить.

Однако, если согласиться, что подъем по перекладинам упомянутой лестницы есть долгий процесс, предполагающий необходимость иногда возвращаться назад, то оказывается важным, чтобы упомянутые — или играющие аналогичную роль — инструменты не были отброшены *раньше времени*. Что это значит и когда может наступить надлежащее время, учитывая процитированное выше соображение Витгенштейна, что язык всегда будет провоцировать философствование и хорошо маскировать бессмысленность философских предложений? Среди заметок, написанных зрелым Витгенштейном, присутствует тема того, что появление философских проблем или их уход со сцены не зависят от чьей-то воли:

§ 4. Болезнь времени излечивается изменением в образе жизни людей, и болезнь философских проблем могла бы исцеляться только изменением образа мышления и жизни, а не лекарством, изобретенным кем-то одним.

Представь себе, что использование автомобиля вызывает и стимулирует определенные болезни, и человечество мучается этими болезнями до тех пор, пока по тем или иным причинам, вследствие какого-то развития, оно вновь не отучится от езды на автомобилях (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994а: 62).

Витгенштейн говорил также:

Мне совершенно неясно, чего бы я желал больше — продолжения моего труда другими или же изменения образа жизни, которое сделает все эти вопросы излишними. (Вот почему я никогда бы не смог основать школу.) (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994b: 468)

Не следует ли отсюда, что пока изменение европейского образа жизни не избавило европейскую культуру от терзания определенным родом философских проблем, пока нужно много усилий, чтобы подниматься по лестнице к правильному видению мира¹², будут нужны и некие «дорожные указатели» и рекомендации. В «Трактате» Витгенштейн ведет нас через представление о мире как мире, описываемом языком. Значит, представления о мире самом по себе вообще не лежат на надлежащем пути, исходя из них совсем не получится подниматься к правильному

¹²Кстати, не отдает ли слово «видение» репрезентативизмом? Да и слова о «правильном видении мира» в свое время надо будет отбросить, осознав их бессмысленность.

видению. Рассуждая далее в том же ключе, мы можем заключить, что трансцендентализм, включая представление о «метафизическом субъекте, границе — а не части мира» (5.641), также лежит на том пути, по которому нам надо двигаться. Потом и его нужно будет отбросить, но не раньше, чем мы его осмыслим; а люди, застопорившиеся на наивном реализме, окажутся вообще неспособны продвигаться дальше.

Предлагать свои утверждения не как истинные описания неких «суперфактов», а как ступени, через которые надо пройти в своем развитии, мне кажется самой философской установкой. Она может объяснить разную, на первый взгляд взаимоисключающую тональность высказываний Витгенштейна о философии, а также то, как в нем самом совместились усилия по избавлению от философских проблем с жизнью профессионального философа. Мне представляется также, что такое отношение к философии близко установкам Делёза или Деррида. Названные авторы с их странным, отчаянно метафорическим языком могли бы сказать в духе призыва из тезиса 6.54: отбросьте написанные мною предложения (о дифферансе, деконструкции — или же теле без органов, де- и ретерриторизациях и пр.), если вы меня правильно поняли, так как дело не в них, они всего лишь метафоры.

5. ВРЕМЕННАЯ И ДЫРЯВАЯ ГРАНИЦА МЕЖДУ ОСМЫСЛЕННЫМИ И БЕССМЫСЛЕННЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

Метафорические выражения не подпадают под принятое в «Трактате» определение осмысленного предложения, хотя философские тексты пронизаны ими (Деррида, Кралечкин, 2012: 242–311). В «Трактате» осмысленными являются предложения, описывающие факты. Метафизические предложения названы бессмысленными, причем в качестве основания для подобной оценки в тезисе 4.003 указано, что они вытекают из непонимания логики нашего языка, а в 6.53 дается звучащее иначе указание: «всегда, когда кто-нибудь захочет сказать нечто метафизическое, показать ему, что он не дал значения некоторым знакам в своих предложениях» (Витгенштейн, Лахути и Добронравов, 2008: 218). Это может показаться странным: ведь метафизические предложения должны быть *хорошо замаскированной* бессмыслицей, а знаки, которым не придали значения, сразу бросались бы в глаза. Но дело в том, что отсутствие значения может быть хорошо замаскированным. Это происходит тогда, когда мы берем какое-то выражение, используемое обычно в осмысленных предложениях, и помещаем его в другой контекст, в котором оно не может иметь прежнего значения. Но

человек, не понимающий работы языка, не замечает, что он теперь имеет дело со словами, которые лишились привычного значения, но не получили нового. В «Философских исследованиях» предлагается пример: «§ 350. ...это все равно как я бы сказал: „Ты же знаешь, что значит «Сейчас здесь 5 часов»; выходит, знаешь и что значит «сейчас на Солнце пять часов»“...» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994d: 194). Конант стремится показать, что таков основной источник производства метафизических предложений: слова и выражения из обычного словоупотребления переносятся в иные, метафизические контексты, из-за чего теряют прежний смысл, не обретя нового. Потому метафизические предложения и являются бессмысленными, а Витгенштейн боролся с ними как в молодости, так и в зрелости. С тем, что боролся, опять-таки трудно спорить. Однако если в молодости Витгенштейн жестко противопоставил осмысленные предложения, то есть описывающие факты, и бессмысленные, то есть философские¹³, то в зрелости он подчеркивал многообразие видов и функций предложений:

Но сколько существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос и приказ? — Нет, их бесчисленное множество: налицо бесконечное разнообразие способов употребления того, что мы называем «символами», «словами», «предложениями». И эта множественность не является чем-то устойчивым, заданным раз и навсегда; новые типы языка, новые языковые игры, как мы можем сказать, возникают постоянно, а другие устаревают и забываются¹⁴.

Вместо дихотомии осмысленных/бессмысленных предложений мы получаем неопределенное множество типов предложений, функционирующих в разных языковых играх. Соответственно, к ним должны были бы применяться разные критерии. Почему бы среди них не найти место и для метафорических предложений и подходящих для них критериев осмысленности? В конце концов, значение это употребление, а метафорические предложения, очевидно, имеют свои применения.

Говоря о предложениях, Витгенштейн начиная со среднего периода своего творческого пути противопоставлял два способа их употребления: как описаний фактов и как *правил для подобных описаний*. Причем

¹³Это не считая тавтологий, псевдопредложений (математические равенства) (Витгенштейн, Лахути и Добронравов, 2008: 196) и «априорных усмотрений возможных форм предложений науки» (там же: 202).

¹⁴Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994d: 90 (перевод изменен).

этому различию не соответствуют никакие структурные черты предложений. Одни и те же предложения могут в одних ситуациях функционировать как правила, а в других как описания (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994с); причем в разряд правил чаще всего перемещаются предложения, которые имели широкое применение в качестве описаний фактов (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994d).

Такое перемещение не делает их бессмысленными, хотя теперь к ним неприменим критерий сопоставления с фактами. Бессмысленные утверждения будут делать те философы, кто попытается смотреть на предложения, функционирующие как правила, как на описания неких суперфактов. Но философы не обязательно делают именно это. Сам Витгенштейн тут будет первым примером. Борясь с философскими затруднениями, он делает такое важное наблюдение об изменении функционирования предложений. Витгенштейн вообще делает много ценных наблюдений над тем, как живет язык в человеческих обществах, как дети обучаются языку и т. п. Навряд ли нам следует отбрасывать их как бессмысленные.

Тут мне могут возразить, что Витгенштейн просто напоминает об общеизвестных фактах (он сам повторяет это постоянно), так что это никакие не философские предложения. На что я опять отвечу: статус предложения определяется его использованием. И если оно используется для разрешения философских проблем, то, очевидно, становится философским. Возьмем, например, такие предложения, как «человек смертен», «человек имеет тело». Разве они не описывают очевидные, всеми признанные факты? И разве они не получили ключевую роль в философии XX и XXI вв.? Признаюсь, что никак не смогу отбросить их как бессмысленные, хотя их употребление вышло далеко за пределы их обычных использований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Может быть, нам следует оценить как бессмысленные не сами предложения, а как раз их философские употребления? Однако современные философы, начиная с Витгенштейна, как правило не претендуют на истинные описания глубинных фактов. Они пишут, чтобы побудить нас *сменить оптику*, к которой приучила традиционная философия. Призывы к изменению оптики не являются осмысленными предложениями в смысле «Трактата». Означает ли это, что их надо отбросить? — Да; когда-нибудь, когда изменится ситуация и они потеряют актуальность. Но не сейчас. Торопливое и необдуманное отбрасывание принесет вред.

Правильное понимание философских рассуждений приведет в конце концов к осознанию необходимости их отбросить: согласиться с таковым исходом нас заставляют уроки самой истории философии. Но к подобному итогу еще надо подойти, а для того сначала проделать серьезную внутреннюю работу по критической перестройке сложившихся стереотипов мышления, которые в силу привычности стали бездумными. Однако для подобной работы требуются инструменты и дорожные указатели, каковыми остаются предложения, вовлеченные в круг философского употребления.

ЛИТЕРАТУРА

- Витгенштейн Л.* Замечания по основаниям математики / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 т. Т. II / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994а. — С. 1–206.
- Витгенштейн Л.* Культура и ценность / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 т. Т. I / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994b. — С. 406–492.
- Витгенштейн Л.* О достоверности / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 т. Т. I / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994с. — С. 321–405.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 т. Т. I / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994d. — С. 75–319.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. В 2 т. Т. I / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994е.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / пер. с нем. Д. Г. Лахути, И. С. Добронравова. — 2-е изд. — М. : Канон+ РООИ Реабилитация, 2008.
- Деррида Ж.* Поля философии / пер. с фр. Д. Кралечкина. — М. : Академический проект, 2012.
- Драгалина-Черная Е. Г.* Catch—6.54 как перформативный парадокс // Logica Ludica : Аспекты теоретико-игровой семантики и прагматики / В. Л. Васюков, Е. Г. Драгалина-Черная, В. В. Долгоруков. — СПб. : Алетейя, 2014. — С. 75–85.
- Моисеева А. Ю., Зайкова А. С. Л.* Витгенштейн и перформативный поворот // Эпистемология и философия науки. — 2020. — Т. 57, № 3. — С. 44–49.
- Монк Р.* Людвиг Витгенштейн. Долг гения / под ред. В. Анашвили ; пер. с англ. А. Васильевой. — М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Родин К.* Проблема следования правилу и место Витгенштейна в социологических исследованиях : возвращение к Питеру Уинчу // Эпистемология и философия науки. — 2020. — Т. 57, № 3. — С. 23–33.

- Семенов А. Ю. Особенности стандартных интерпретаций «Tractatus Logico-Philosophicus» Л. Витгенштейна / *Universum: Общественные науки : электронный научный журнал*. — 2016. — URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3651> (дата обр. 30 апр. 2025).
- Суровцев В. А. Философия раннего Витгенштейна : конфликт интерпретаций // *Вестник Томского государственного университета*. — 1999. — № 267. — С. 18–24.
- Ханова П. А. Проект перформативного письма Жилия Делёза // *Вестник Московского университета*. Сер. 7. Философия. — 2018. — № 3. — С. 52–66.
- Эдмондс Д., Айдиноу Д. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами / пер. с англ. Е. Канищевой. — М. : НЛЮ, 2004.
- Bartunek N. Wittgenstein on Truth and Meaning / *Academia.edu*. — 2015. — URL: https://www.academia.edu/36067574/Wittgenstein_on_Truth_and_Meaning (visited on Apr. 30, 2025).
- Biletzki A. (Over)interpreting Wittgenstein. — New York : Springer Science+Business Media, 2003.
- Conant J. What “Ethics” in the Tractatus Is Not // *Religion and Wittgenstein’s Legacy* / ed. by D. Z. Philips, M. von der Ruhr. — London : Routledge, 2005. — P. 30–80.
- Conant J. Mild Mono-Wittgensteinianism // *Wittgenstein and the Moral Life. Essays in Honor of Cora Diamond* / ed. by C. Alice. — Cambridge (MA), London : The MIT Press, 2007. — P. 31–142.
- Diamond C. Throwing Away the Ladder : How to Read the Tractatus // *The Realistic Spirit : Wittgenstein, Philosophy, and the Mind*. — Cambridge (MA) : The MIT Press, 1991. — P. 135–160.
- Diamond C. Reading Wittgenstein with Anscombe, Going On to Ethics. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2019.
- Gakis D. Throwing Away the Ladder Before Climbing It / *The Wittgenstein Archives at the University of Bergen*. — 2013. — URL: <https://wab.uib.no/agora/tools/albums/collection-10-issue-1-article-52.annotate> (visited on Apr. 30, 2025).
- Glock H.-J. Perspectives on Wittgenstein : An Intermittently Optionated Survey // *Wittgenstein and His Interpreters : Essays in Memory of Gordon Baker* / ed. by G. Kahane, E. Kanterian, O. Kuusela. — Oxford : Wiley-Blackwell, 2007. — P. 37–65.
- Hutchinson P., Read R. Review Article : Whose Wittgenstein? // *Philosophy*. — 2005. — No. 80. — P. 432–455.
- Hutchinson P., Read R. An Elucidatory Interpretation of Wittgenstein’s Tractatus : A Critique of Daniel D. Hutto’s and Marie McGinn’s Reading of Tractatus 6.54 // *International Journal of Philosophical Studies*. — 2006. — Vol. 14, no. 1. — P. 1–19.
- Hutto D. The Untimely Review of Ludwig Wittgenstein’s Tractatus Logico-Philosophicus / *Academia.edu*. — 2014. — URL: <https://www.academia.edu/9205169/Un>

- timely_review_of_Ludwig_Wittgenstein_s_Tractatus_Logico_Philosophicus (visited on Apr. 30, 2025).
- Krebs V. J. “Around the Axis of Our Real Need” : On the Ethical Point of Wittgenstein’s Philosophy // *European Journal of Philosophy*. — 2001. — Vol. 9, no. 3. — P. 344–374.
- Kremer M. The Cardinal Problem of Philosophy // *Wittgenstein and the Moral Life. Essays in Honor of Cora Diamond* / ed. by C. Alice. — Cambridge (MA), London : The MIT Press, 2007. — P. 143–176.
- McGinn M. Elucidating the Tractatus : Wittgenstein’s Early Philosophy of Language and Logic. — Oxford : Oxford University Press, 2006a.
- McGinn M. Wittgenstein’s Early Philosophy of Language and the Idea of “The Single Great Problem” // *Wittgenstein : The Philosopher and His Works* / ed. by A. Pichler, S. Säätelä. — Frankfurt am Main : Ontos Verlag, 2006b. — P. 107–140.
- Schönbaumsfeld G. A “Resolute” Later Wittgenstein? // *Metaphilosophy*. — 2010. — Vol. 41, no. 5. — P. 649–668.
- Stern D. G. Review Essay : Recent Work on Wittgenstein, 1980–90 // *Synthese*. — 1994. — Vol. 98, no. 3. — P. 415–458.
- Stern D. G. Wittgenstein’s Philosophical Investigations : An Introduction. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

Sokuler, Z. A. 2025. “Filosofiya kak preodoleniye filosofii [Philosophy as Overcoming of Philosophy]: o razlichnykh interpretatsiyakh ‘Logiko-filosofskogo traktata’ [On Different Interpretations of the Tractatus Logico-Philosophicus]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 9 (3), 13–41.

ZINAIDA SOKULER

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
PROFESSOR

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-0602-4295

PHILOSOPHY AS OVERCOMING OF PHILOSOPHY

ON DIFFERENT INTERPRETATIONS OF THE TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICUS

Submitted: May 01, 2025. Reviewed: July 23, 2025. Accepted: July 30, 2025.

Abstract: The so-called “resolute” interpretation of the *Tractatus Logico-Philosophicus*, which is actively discussed in recent literature, is considered. Its proponents demand from Wittgenstein’s researchers and followers to finally take seriously Wittgenstein’s words that he who has understood him should recognize all his propositions as senseless. “Resolution” consists in recognizing the need to fulfill this Wittgensteinian demand concluding his *Tractatus*. Proponents of this interpretation insist that the distinction made by many authors between mere nonsense and nonsense that is full of deep sense, illuminating, fraught with insight, etc., distorts the goal of the *Tractatus*. They insist that there is no doctrine, no concept or theory

in the said work of Wittgenstein: neither about the essence of the world and language, nor about the essence of proposition, nor about the logical, nor about the need to distinguish between what can be said and what can only be shown by propositions. The main arguments of the defenders of the “resolute” interpretation are analyzed: indication of the misuse of talking about what cannot be said; the interpretation of the metaphor of the ladder to be discarded; the quotations to which they appeal; the perspective of a unified treatment of Wittgenstein’s evolution and philosophy, which stands now as directed from beginning to end toward the one goal of eliminating philosophical problems by showing the senselessness of the expressions in which they are formulated. It is emphasized that the “resolute” interpretation leaves unexplained why all the sentences of the *Tractatus* were written. How can one devote years of one’s own life to philosophy while clinging to the conviction that it is all made up of nonsense to be discarded? And if one finds this implausible, how then Wittgenstein’s own words about the senselessness of philosophical statements and problems can be understood? It is shown that the weakness of “resolute interpreters” is due to the fact that they have too narrow an understanding of the function of propositions, of the role they can play. Therefore, their criteria for distinguishing sentences into senseful and senseless ones are too narrow.

Keywords: Wittgenstein, “Tractatus Logico-Philosophicus”, Sense and Nonsense, Philosophical Propositions, James Conant, “Resolute” Interpretation of the “Tractatus Logico-Philosophicus”.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-13-41.

REFERENCES

- Alice, C., ed. 2007. *Wittgenstein and the Moral Life. Essays in Honor of Cora Diamond*. Cambridge (MA) and London: The MIT Press.
- Bartunek, N. 2015. “Wittgenstein on Truth and Meaning.” Academia.edu. Accessed Apr. 30, 2025. https://www.academia.edu/36067574/Wittgenstein_on_Truth_and_Meaning.
- Biletzki, A. 2003. *(Over)interpreting Wittgenstein*. New York: Springer Science+Business Media.
- Conant, J. 2005. “What ‘Ethics’ in the Tractatus Is Not.” In *Religion and Wittgenstein’s Legacy*, ed. by D. Z. Philips and M. von der Ruhr, 30–80. London: Routledge.
- . 2007. “Mild Mono-Wittgensteinianism.” In *Wittgenstein and the Moral Life. Essays in Honor of Cora Diamond*, ed. by C. Alice, 31–142. Cambridge (MA) and London: The MIT Press.
- Derrida, J. 2012. *Polya filosofii [Marges de la philosophie]* [in Russian]. Trans. from the French by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt [Academic Project].
- Diamond, C. 1991. “Throwing Away the Ladder: How to Read the Tractatus.” In *The Realistic Spirit : Wittgenstein, Philosophy, and the Mind*, 135–160. Cambridge (MA): The MIT Press.
- . 2019. *Reading Wittgenstein with Anscombe, Going On to Ethics*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Dragalina-Chernaya, Ye. G. 2014. “Catch — 6.54 kak performativnyy paradoks [Catch — 6.54 as a Performative Paradox]” [in Russian]. In *Logica Ludicra [Logica Ludicra] : Aspekty teoretiko-igrovoy semantiki i pragmatiki [Aspects of Game-Theoretic Semantics and Pragmatics]*, by V. L. Vasyukov, Ye. G. Dragalina-Chernaya, and V. V. Dolgorukov, 75–85. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Edmonds, D., and J. Eidinow. 2004. *Kocherga Vitgenshteyna. Istoriya desyatiminutnogo spora mezhdru dvumya velikimi filosofami [Wittgenstein’s Poker: The Story of a Ten-*

- Minute Argument Between Two Great Philosophers* [in Russian]. Trans. from the English by Ye. Kanishcheva. Moskva [Moscow]: NLO.
- Gakis, D. 2013. "Throwing Away the Ladder Before Climbing It." *The Wittgenstein Archives* at the University of Bergen. Accessed Apr. 30, 2025. <https://wab.uib.no/agora/tools/alw/s/collection-10-issue-1-article-52.annotate>.
- Glock, H.-J. 2007. "Perspectives on Wittgenstein: An Intermittently Optionated Survey." In *Wittgenstein and His Interpreters: Essays in Memory of Gordon Baker*, ed. by G. Kahane, E. Kanterian, and O. Kuusela, 37–65. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Hutchinson, Ph., and R. Read. 2005. "Review Article: Whose Wittgenstein?" *Philosophy*, no. 80, 432–455.
- . 2006. "An Elucidatory Interpretation of Wittgenstein's Tractatus: A Critique of Daniel D. Hutto's and Marie McGinn's Reading of Tractatus 6.54." *International Journal of Philosophical Studies* 14 (1): 1–19.
- Hutto, D. 2014. "The Untimely Review of Ludwig Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus." *Academia.edu*. Accessed Apr. 30, 2025. https://www.academia.edu/9205169/Untimely_review_of_Ludwig_Wittgenstein_s_Tractatus_Logico_Philosophicus.
- Khanova, P. A. 2018. "Proyekt performativnogo pis'ma Zhilya Delëza [Gilles Deleuze's Project of Performative Writing]" [in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy], no. 3, 52–66.
- Krebs, V. J. 2001. "'Around the Axis of Our Real Need': On the Ethical Point of Wittgenstein's Philosophy." *European Journal of Philosophy* 9 (3): 344–374.
- Kremer, M. 2007. "The Cardinal Problem of Philosophy." In *Wittgenstein and the Moral Life. Essays in Honor of Cora Diamond*, ed. by C. Alice, 143–176. Cambridge (MA) and London: The MIT Press.
- McGinn, M. 2006a. *Elucidating the Tractatus: Wittgenstein's Early Philosophy of Language and Logic*. Oxford: Oxford University Press.
- . 2006b. "Wittgenstein's Early Philosophy of Language and the Idea of 'The Single Great Problem'." In *Wittgenstein: The Philosopher and His Works*, ed. by A. Pichler and S. Säätelä, 107–140. Frankfurt am Main: Ontos Verlag.
- Moiseyeva, A. Yu., and A. S. Zaykova. 2020. "L. Vitgenshteyn i performativnyy povorot [Wittgenstein and Performative Turn]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science] 57 (3): 44–49.
- Monk, R. 2018. *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius] [in Russian]. Ed. by V. Anashvili. Trans. from the English by A. Vasil'yeva. Moskva [Moscow]: ID "Delo" RANKhiGS [Delo Publishers of RANEPa].
- Rodin, K. 2020. "Problema sledovaniya pravilu i mesto Vitgenshteyna v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [The Problem of Rule-Following and Wittgenstein's Place in Sociological Research]: vozvrashcheniye k Piteru Uinchu [A Return to Peter Winch]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science] 57 (3): 23–33.
- Schönbaumsfeld, G. 2010. "A 'Resolute' Later Wittgenstein?" *Metaphilosophy* 41 (5): 649–668.
- Semenov, A. Yu. 2016. "Osobennosti standartnykh interpretatsiy 'Tractatus Logico-Philosophicus' L. Vitgenshteyna [Features of Standard Interpretations of L. Wittgenstein's 'Tractatus Logico-Philosophicus']" [in Russian]. *Universum: Obshchestvennyye nauki: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Universum: Social Sciences: Electronic Scientific Journal]. Accessed Apr. 30, 2025. <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3651>.
- Stern, D. G. 1994. "Review Essay: Recent Work on Wittgenstein, 1980–90." *Synthese* 98 (3): 415–458.
- . 2004. *Wittgenstein's Philosophical Investigations: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Surovtsev, V. A. 1999. "Filosofiya rannego Vitgenshteyna [Philosophy of Early Wittgenstein]: konflikt interpretatsiy [Conflict of Interpretations]" [in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, no. 267, 18–24.
- Wittgenstein, L. 1994a. [in Russian]. Vol. 1 of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- . 1994b. *Filosofskiye issledovaniya [Philosophische Untersuchungen]* [in Russian]. In vol. 1 of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova, trans. from the German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseyev, 75–319. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- . 1994c. "Kul'tura i tsennost' [Vermischte Bemerkungen]" [in Russian]. In vol. 1 of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova, trans. from the German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseyev, 406–492. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- . 1994d. *O dostovernosti [Über Gewißheit]* [in Russian]. In vol. 1 of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova, trans. from the German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseyev, 321–405. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- . 1994e. *Zamechaniya po osnovaniyam matematiki [Bemerkungen über die Grundlagen der Mathematik (Remarks on the Foundations of Mathematics)]* [in Russian]. In vol. II of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova, trans. from the German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseyev, 1–206. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- . 2008. *Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]* [in Russian]. 2nd ed. Trans. from the German by D. G. Lakhuti and I. S. Dobronravov. Moskva [Moscow]: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.